

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателя сборник содержит статьи, основная часть которых была представлена в виде докладов на Рабочем совещании по цыганскому языку в России (Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург, 5 октября 2012 г.)¹.

Сборник открывает вводная статья Л. Н. Черенкова, в которой дается общая характеристика диалектного разнообразия цыганского языка в России, определяются основные вехи в изучении цыганского языка на территории России и обозначаются актуальные проблемы (отсутствие подробных описаний, неадекватность имеющегося материала).

В первом разделе содержатся статьи, посвященные казалось бы хорошо изученному диалекту русских цыган. Тем не менее авторы статей убедительно показывают, что наши знания об истории русскоцыганского диалекта далеко не полные, а некоторые источники нуждаются в тщательной ревизии. Так, И. Ю. Махотина рассказывает о ранее неизвестной записи цыганского языка, сделанной в 1827 г. (т. е. одной из первых на территории России). Ее анализ показывает, что диалектную основу записанных примеров с большой долей уверенности можно определить как русскоцыганскую. В первой статье В. В. Шаповал обращается к практически неизученной проблеме восточнославянских диалектных заимствований в языке русских цыган. Такие заимствования с определенной долей осторожности позволяют делать предположения о пути миграции цыган по славяноязычной территории. В другой статье В. В. Шаповал ставит вопрос о корректности материала Цыганско-русского словаря 1938 г. (также частично затронутый в статье Л. Н. Черенкова) и разбирает значительное количество содержащихся в нем ошибок. Словарь 1938 г. до сих пор остается основным источником по лексике не только русскоцыганского, но и

---

¹ Подробнее см. К. А. Кожанов, С. А. Оскольская, М. В. Ослон. (2013). Рабочее совещание по цыганскому языку в России // *Вопросы языкознания* 2, 157–159.

сэрвицкого диалектов, и его критический анализ чрезвычайно важен для будущих исследований.

Во втором разделе разбирается языковой материал власской диалектной группы. Две статьи анализируют грамматические проблемы на основе говора котляров-молдовая: в статье К. А. Кожанова рассматриваются типы модальных конструкций с глаголом-связкой 'быть' и развившийся из них ирреальный показатель *cahkэ*, а в статье С. А. Оскольской подробно разбираются употребления каритивной конструкции и обсуждается вопрос о морфологическом статусе единицы *би* 'без'. Интересные данные о тайной лексике в рамках диалекта ловаров (чокеши) представлены в статье Г. Н. Цветкова.

Завершают сборник статьи, затрагивающие прикладные проблемы цыганского языкознания — использование цыганского языка в образовании (М. В. Смирнова-Сеславинская) и запись цыганской речи на письме на материале крымского диалекта цыганского языка (В. Г. Торопов, В. Б. Гумероглы).

Основная задача рабочего совещания состояла в объединении ученых, занимающихся цыганским языком на территории России, и в определении основных направлений развития лингвистического цыгановедения. Статьи, вошедшие в сборник, демонстрируют потенциальные пути дальнейших исследований — критический анализ имеющихся данных, поиск новых источников, описание вариативности в рамках одного диалекта, подробный грамматический анализ цыганских данных, описание плохо изученных диалектов и, наконец, развитие письменности и образования на цыганском языке.

При организации рабочего совещания и подготовке настоящего сборника неоценимую помощь оказали Н. А. Зиневич, М. В. Ослон, Л. Н. Черенков, которым редакторы хотели бы выразить искреннюю благодарность.

К. А. Кожанов, С. А. Оскольская, А. Ю. Русаков

Л. Н. Черенков

Москва

ЦЫГАНСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ В РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ЗАДАЧИ

0. Введение

Цыганское население Российской Федерации для цыганологов (в последнее время очень политкорректно, но чрезвычайно неуклюже называемых ромологами) — бескрайнее, почти не вспаханное исследовательское поле. При относительно умеренном — в сопоставлении с территорией страны — числе лиц, декларировавших себя цыганами (по переписи 2010 г. 204 958 человек), имеется большое разнообразие цыганских субэтнических групп и, соответственно, диалектов. При этом некоторые цыганские диалекты (сэрвицкий, «влашский», ришярский, плащунский, крымскоцыганский; также литовскоцыганский и латышскоцыганский) встречаются только на территории бывшего СССР.

Цыгане распределены по территории Российской Федерации крайне неравномерно: больше всего их в южных областях России (в Ростовской области, Ставропольском и Краснодарском краях), а меньше всего в северных административных образованиях (в Республике Коми, Республике Саха, Магаданской области и пр.). За Уралом от Тюмени вплоть до Дальнего Востока большинство цыган (вероятно, следуя старой традиции, утвердившейся еще в конце XVIII в.) предпочитают селиться в областях, расположенных неподалеку от Транссибирской железной дороги (а до ее постройки — от Сибирского тракта). Естественно, при переписях населения никогда не указывалась и не указывается принадлежность индивида к субэтническому подразделению, однако, основываясь на данных переписи по регионам, можно сделать осторожные, но близкие к правдоподобным выводы. Так, только в трех южных регионах России — в Ставропольском крае, Ростовской области и Краснодарском крае — по данным переписи 2002 г. проживало около 45 000 цыган, в то время как на огромной территории, охватывающей Зауралье, Южный Урал, всю Сибирь и Дальний Восток — только 29 000 цыган. Можно

предположить, что в перечисленных южных административных образованиях большинство цыганского населения составляли представители таких цыганских субэтнотосов как сэрвы и влахура (хотя на западе Краснодарского края очень высок процент крымских цыган). В перечисленных выше восточных российских регионах большинство цыганского населения составляют, по-видимому, все-таки «автохтоны», т. е. сибирские цыгане, сформировавшиеся как отдельное субэтническое подразделение (северно)русских цыган в течение XVIII–XIX вв., хотя возможен и более поздний приток переселенцев из европейской части России (и СССР). Цыган Сибири изучал талантливейший цыганолог Валерий Иосифович Санаров, см. некоторые его работы [Sanarov 1967, 1970; Санаров 1971].

В то же время, на мой взгляд, нельзя рассматривать цыганские диалекты России в отрыве от диалектов цыган соседствующих с нашей страной новых государств, некогда входивших в СССР (Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Казахстана). Многие цыганские субэтнические подразделения живут по обе стороны новых государственных границ, а в отдельных районах России мы находим литовских, так называемых «польских» (т. е. западнобелорусских) и латышских цыган.

1. Цыганские диалекты России

Перед тем, как приступить к краткому описанию цыганских диалектов России, необходимо вспомнить различные классификации диалектов цыганского языка в Европе и, в частности, на нынешнем постсоветском пространстве (в России, странах СНГ и Балтии). Первым серьезную попытку такой классификации предпринял выдающийся австрийский языковед Франц Миклошич (Franz Miklosich) в своем ставшем классическим труде «О диалектах и миграциях европейских цыган» [Miklosich 1872–80]. Его классификация основана на истории проникновения цыганских групп в ареалы современного (Миклошичу) проживания и на фактах влияния на речь цыган языка нецыганского населения. Константинопольский врач Александр Паспати (Alexandre Paspati, Αλεξάνδρος Πασπάτης) в своей книге «Заметки о чингене, или цыганах Османской империи» [Paspati 1870] применил другой принцип классификации, определяя границы описываемых им

цыганских групп и особенности их речи в зависимости от образа жизни (оседлого или кочевого) и вероисповедания (мусульманского или христианского). Известный британский цыганолог Бернард Джозеф Гиллиат-Смит (Bernard Joseph Gilliat-Smith) в статье «Доклад о цыганских племенах в Северной Болгарии» [Gilliat-Smith 1915: 1–54, 65–109] в значительной степени продолжил классификационные принципы Паспати, добавив к ним признак принадлежности к «влашским» (Vlach) и «невлашским» (non-Vlach) цыганам. В дореволюционной России не было ни одной публикации, посвященной классификации диалектов цыганского языка. Первую попытку классификации говоров южно-русско-украинских цыган сделал Алексей Петрович Баранников. В кратком варианте она представлена в его очерке «Об особенностях диалектов южных (украинских) цыган» в [Сергиевский, Баранников 1938]. Классификация основана на описании и анализе дифференцирующих признаков цыганских диалектов европейской части СССР (без прибалтийских стран). Этот же принцип применен в моей классификации, положительно оцененной в 1962 г. в частном письме ко мне Б. Дж. Гиллиат-Смитом и впервые опубликованной в книге [Вентцель 1964].

В данной статье я использую общепринятую в последнее время классификацию Ярона Матраса (Yaron Matras), представленной в частности в его работе «Классификация цыганских диалектов: географическо-историческая перспектива» [Matras 2005: 7–26].

1.1. Северо-восточные диалекты

На обширнейшей территории от Камчатки и Приморья до границ новых постсоветских государств с Польшей большинство, по нашему мнению, цыганского населения говорит на диалектах, входящих в северо-восточную группу. Совокупность этих чрезвычайно близких друг к другу и легко взаимопонимаемых диалектов с некоторой долей смелости можно квалифицировать как макродиалект с крупными локальными разновидностями, к которым относятся русскоцыганский, или севернорусский, диалект цыганского языка, включающий говоры (*северно*)русских цыган (*русска* — а в западных районах Псковской области также — *халадытка ромá*) с говорами *сибирских* цыган (*сибиряки, тоболяки*), диалект т. н. «польских» цыган (*польска ромá*) Западной Белоруссии и Латгалии, диалект литовских цыган

(*литбўска ромá*) в Литве и Калининградской области РФ и, наконец, диалект латышских цыган (*лотфйтка/лотфйке ромá*) в трех разновидностях — курземской (*курзэмáки/курзэмниекэнги*), видземской (*видзэмáки/видзэмниекэнги*) и эстонской (*лáлб-ри[т]ко*), происходящей от видземской. Русскоцыганские говоры юга Брянской области «плавно переходят» в т. н. «расейские» цыганские говоры Черниговской и Сумской областей Украины, а те, в свою очередь, — в диалект (говор) т. н. «гимпэнов», или «чернобыльцев», Киевской, Житомирской, Ровенской и Волынской областей Украины.

Изучение цыганского языка в России началось в 1851 г.писанием мещанином М. Григорьевым работы под названием «Формы и словарь цыганского языка» [Григорьев 1851]. Рукопись любительской грамматики М. Григорьева в данный момент готовится к публикации. В 1853 г. российский и немецкий ученый Отто фон Бетлингк (Otto von Böhtlingk), основываясь на работе Григорьева, опубликовал статью «О языке цыган России» [Boehtlingk 1853]. В 1900 г. Петр Серафимович Патканов¹ (Истомин), гитарист петербургских цыганских хоров и композитор, опубликовал «Граматику и руководство к практическому изучению разговорной речи современных русских цыган» [Истомин (Патканов) 1900], в которой довольно удачно сделана попытка систематического описания диалекта русских («московских», по терминологии автора) цыган. Несколькими годами позже смоленский краевед Владимир Николаевич Добровольский опубликовал фольклорные записи «Киселевские цыгане. Вып. 1. Цыганские тексты» [Добровольский 1908], которые, несмотря на неудачную кириллическую транскрипцию и некоторые ошибки в записи живой речи, представляют непреходящий интерес как для современных исследователей севернорусского диалекта цыганского языка, так и для этнографов и фольклористов.

В 1926 г. комиссия, состоящая из ученых-языковедов и возглавляемая профессором Максимом Владимировичем Сергиевским, разработала принципы цыганской письменности на рус-

---

¹ Не следует путать этого автора с его дедом, знаменитым арменологом-иранистом Керопэ Петросовичем Паткановым (Патканьяном) (1838–1899) — автором известного труда «Цыганы. Несколько слов о наречиях закавказских цыган: боша и карачи» [Патканов 1887].

ской кириллической основе и правила правописания, т. е. состоялись кодификация и нормирование севернорусского цыганского диалекта. С основными положениями предложенной нормы можно ознакомиться в книге [Сергиевский 1931]. В 1938 г. им же в сотрудничестве с академиком Алексеем Петровичем Баранниковым был выпущен в свет «Цыганско-русский словарь» [Сергиевский, Баранников 1938], где представлена лексика севернорусского, сэрвицкого и отчасти т. н. «влашского» диалектов. Подробного анализа заслуживает лексикологическое качество этого словаря, изобилующего множеством неточностей. В качестве примера можно упомянуть систематическое указание на принадлежность к женскому роду вместо мужского существительных с суффиксом *-ыма, -има*; смешение фрикативного *г* и взрывного *г*, например, *гэралó* (должно быть *гэралó*) и *гужлó* ‘должен’ (должно быть *гужлó*); неправильные ударения, например, *годлá* ‘крик’ (должно быть *гóдла, гóдлы*); неправильное, иногда дико звучащее для носителей языка словоупотребление (незнание семантики), например, *сарé сы гужлэ́ тэ кэрэн буты́* ‘все должны трудиться’ (при том, что *гужло* ‘финансовый должник’), *эй кэрла арманя́ прэ пэскирэ чяворэндэ́* ‘она дурно обращается со своими детьми’ (на самом деле — ‘она проклинает своих детей’), *адава́ сыка́дыя мангэ́ пхарэ́ арманэ́нца* ‘это мне показалось грубым издевательством’ (на самом деле — ‘это показалось мне тяжелыми проклятиями’); увлечение созданием лженеологизмов при помощи фактически не употребляемых или употребляемых крайне редко русских глагольных префиксов — например, *изрикирибэ́(н)* ‘издержка’, *убарыдырякирэ́с* ‘увеличивать’ и мн. др. Особенно много неточностей, ошибок и даже фальсификаций содержится в части, представленной А. П. Баранниковым. Например, ученый «сконструировал» слово *впатьяндэ́ тэ́* ‘поверить’ (вместо *впатья́с тэ́*), «восстановив» его из формы прошедшего времени из популярной цыганской частушки на русскоцыганском диалекте *манушá наговори́ли, ту сарó патяндэ́ян* ‘люди наговорили, ты всему поверил(а)’. У Баранникова дан несколько измененный текст *со ромá лэскэ́ пхэндэ́, ёв сарó впатья́ндыя* и перевод ‘он всему поверил, что ему сказали’ с утратой субъекта говорения — цыган (*ромá*). Лексема и форма прошедшего времени явно русскоцыганские (в южных диалектах должно было бы быть

впаяня/впаяля), что подтверждает и место записи лексемы — г. Льгов (сейчас в Курской области). Остается неясным, почему эта статья имеет звездочку, указывающую на южнорусско-украинское (читай сэрвицкое) происхождение. Примеров включения лексики других цыганских диалектов в «южнорусско-украинские» говоры в словаре немало, например, кэлдэрарское слово *фундана* ‘палатка’. У кэлдэраров это слово имеет другое значение: ‘задняя часть палатки’ — и является дериватом от слова *фундо* (< румынское *fund*) ‘дно’. Приведенный в словаре глагол *фурлазэ тэ* ‘стучать’ взят из песни, исполняемой на ловарском диалекте кэлдэрарами. В ловарском диалекте это слово имеет значение ‘закипать, исходить паром’ и восходит к венгерскому диалектному значению слова *forrazik* ‘кипеть’. Дело в том, что А. П. Баранников при составлении словаря активно пользовался собственными записями, которые он сделал во время диалектологических экспедиций в южную Россию и Украину. Среди этих записей, опубликованных в его книге на английском языке [Barannikov 1934], есть и кэлдэрарские материалы. Очевидно, Алексей Петрович решил «обогащить» словарь «старожильческих» диалектов за счет лексики «иностранных» цыган, однако столкнулся с определенными трудностями, не зная в полной мере морфофонемические особенности кэлдэрарского диалекта. В результате в словаре появился такой «перл» как *фурчó* мн. *фурчэ* ‘вилы’; *саструнэ* *фурчэ* ‘железные вилы’, который якобы наличествует в говорах южнорусско-украинских цыган. Слово взято из ловарской песни, записанной в Киеве в кэлдэрарском исполнении и помещенной в уже упоминавшейся англоязычной книге. Это небольшая баллада с традиционными клише: муж спрашивает жену, нет ли сзади погони, а та отвечает, что, мол, «едут, едут с железными вилами» и пр. По-цыгански (кэлдэрарски) это звучит как *саструнэ* *фурчэнца* (прямая форма *фурчи* ‘вилы’, ед. ч. *фурка* ‘вилка’ (из румынского *furci*, ед. ч. *furcă* ‘то же’). А. П. Баранников решил снабдить «восстановленную» прямую форму исконной, т. е. индийской, акцентуацией, указав ударение на последнем гласном слова. К сожалению, этот пример не единичен, и весь словарь 1938 г. нуждается в тщательном анализе и ревизии².

---

² Об ошибках в словаре [Сергиевский, Баранников 1938] см.

После внушительного перерыва в 1964 г. была опубликована работа Татьяны Владимировны Вентцель «Цыганский язык (севернорусский диалект)» [Вентцель 1964], не содержащая, по сути дела, никаких новых сведений по сравнению с первой книгой по цыганскому языку 1931 г. ее учителя профессора Сергиевского. Ее книга в 1980 г. лейпцигским издательством была опубликована в переводе на немецкий язык [Wentzel 1980].

С середины 80-х гг. XX в. русскоцыганский диалект исследует Александр Юрьевич Русаков, опубликовавший у нас в стране и за рубежом несколько работ по данному диалекту, в том числе и языковые материалы, см. публикации в соавторстве с Фатимой Абисаловной Елоевой [Русаков, Елоева 1985, 1986]. В 2004 г. А. Ю. Русаков защитил докторскую диссертацию «Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе)» [Русаков 2004].

Диалектом севернорусских цыган занимается и Виктор Васильевич Шаповал, ср. некоторые из его работ [Шаповал 2007a], [Шаповал 2008]. В 2007 г. он опубликовал высококачественный труд «Самоучитель цыганского языка. Русска рома: севернорусский диалект» [Шаповал 2007б], как бы завершающий период аналитического описания и практического применения довоенной литературной нормы цыганского языка СССР.

Прекрасный анализ текстов на диалекте севернорусских цыган Псковщины и цыган, живущих в настоящее время в Псковской области и называющих себя лотфитка рома (т. е. ‘латышские цыгане’), но говорящих на диалекте т. н. «польских» цыган Западной Белоруссии и соседних районов восточной Латвии (Латгалии), содержится в опубликованной в 2006 г. книге Ольги Альбертовны Абраменко «Очерки языка и культуры цыган Северо-Запада России (русска и лотфитка рома)» [Абраменко 2006].

Завершая перечисление работ по русскому диалекту цыганского языка, отмечу, что, несмотря на кажущееся их обилие, об этом диалекте — и в особенности о его локальных разновидностях-говорах — известно очень мало. Отличия от преимущественно использовавшегося в публикациях т. н. «московского» диалекта в говорах, например, брянских, вологодско-архангель-

ских (*вэшы́тка рома́*) или сибирских цыган очевидны. Для языка брянских цыган, среди прочего, характерно существование отдельных форм настоящего и будущего времени, например, *кэра́в адады́вэс* ‘делаю сегодня’ и *кэра́ва тася́* ‘буду делать завтра’, форма *пхирáв* ‘хожу’ вместо более характерного для говора северно-русскоцыганского диалекта *псирáва*, некоторые особенности лексики. Очень интересны говоры сибирских цыган, которыми (в частности, красноярским говором) занимается Василий Александрович Бычков. Из известных неопубликованных работ В. А. Быčkova и материалов по алтайскому цыганскому говору, собранных В. И. Санаровым, явствует, что сибирские цыганские говоры по некоторым признакам сближаются с диалектом литовских цыган: форма *джюва́ва* вместо *дживáва*, типично литовскоцыганское *гвалтына́ва* ‘кричу’ вместо более характерного для севернорусского диалекта *да́ва го́длы*, полонизмы в лексике типа *патэ́льня* ‘сковорода’, сохранение лексемы *куты́* ‘мало, немного’ и т. д.

1.2. Северо-западные диалекты

В 1961 г. мне удалось встретить цыганку из субэтнического подразделения, называемого *сасы́тка рома́*, т. е. на диалекте польских, литовских и латышских цыган ‘немецкие цыгане’. В дальнейшем, когда я познакомился с ее родственниками, мне рассказали, что они происходят из Германии, долго жили в Польше вместе с польскими цыганами подразделения *босáки*, профессионально занимаясь музицированием на скрипках (*га́йги*) и арфах (*га́рпи*). Во время Первой мировой войны они были интернированы как германские подданные. После революции 1917 г. проживали в Республике немцев Поволжья, работая в ресторанах Саратова, а осенью 1941 г. были депортированы вместе с немецким населением в южный Казахстан. С 60-х гг. XX в. некоторые представители этого клана переехали в г. Александров Владимирской области и в Москву. Их диалект несомненно принадлежит к северо-западной группе цыганских диалектов. Им известно название *сінти* (в частности, *га́джкэнэ́*, т. е. ‘немецкие’, *сінти*, к большой общности которых они себя относят), но они предпочитают именовать себя или *сасы́тка рома́*, или *пра́йзи* ‘прусаки’. Диалект обладает всем набором характеристик, присущих диалектам цыган-синти в Германии, Австрии, Север-

ной Италии и т. д. Существуют некоторые отличия в лексике за счет большего числа немецких заимствований (и цыганский диалект, и немецкий в новых условиях играли одну и ту же роль «тайного языка») и влияния польскоцыганских диалектов (например, потеря отдельной формы локатива и употребление в его функции аблатива — *наш мэндр* ‘у нас’, *ан коулэстар* ‘в этом’). Диалект до сего времени не был объектом описания и изучения. Тексты (стихи Дуфуни Домбровского, записанные кириллицей) на этом диалекте можно найти в интернете (<http://www.stihi.ru/avtor/dufunya>).

1.3. Влашские диалекты

Чрезвычайно интересны и совершенно недостаточно изучены диалекты южнорусских и украинских цыган, переселившихся в XVIII–XIX вв., в основном, из Слободской Украины и в настоящее время населяющих центральные и южные области Российской Федерации — Курскую, Воронежскую, Белгородскую, Ростовскую, Волгоградскую, Астраханскую области, Краснодарский и Ставропольский края. Это, прежде всего, говоры цыган, известных в цыганском мире постсоветского пространства под именем сэрвы, или сэрвуря. Говоры находятся под угрозой вымирания, поскольку их носители для общения внутри цыганского сообщества уже давно стали предпочитать цыганской речи украинско-русский «суржик», даже на территории России (например, Белгородской и Ростовской областей). Естественно, говоры испытали огромное влияние украинского и в меньшей степени русского языков в фонетике, морфологии и особенно синтаксисе.

Исследователь Антон Тенсер (Anton Tenser) в 2006 г. на конференции в Праге в своем докладе, позднее опубликованном в виде статьи [Tenser 2012] утверждал, что сэрвицкий диалект похож на диалекты типа бургенландского цыганского — т. н. роман (Roman), основываясь лишь на одной особенности, общей для сэрвицкого, с одной стороны, и бургенландского цыганского, с другой, а именно, соответствия [s] = [h] в некоторых флексиях. Я считаю, что сэрвицкий диалект генетически связан с диалектами влашской группы. В пользу происхождения носителей сэрвицкого диалекта из румыноязычных областей говорит не только относительно большое количество в диалекте румынских заимствований: *дэмут* ‘давно’, *дэнзór* ‘рано утром’, *динисар-* ‘думать’,

фáртэ ‘очень’, *гласо* ‘голос’, *интэ/инкэ* ‘еще’, *люмня/люмля* ‘мир, свет’, *лунго* ‘длинный, долгий’, *типисьяв-* ‘кричать’ и мн. др. Диалект обнаруживает сходство с другими диалектами влашской группы и в фонетике (например, дифтонг *эй* вместо общецыганского *ай*, как в *чхэй/чэй* ‘дочь, девушка-цыганка’ или *дэй* ‘мать’), и в морфологии (суффикс *-исар-* для адаптации заимствованных глаголов, суффикс *-йцко*, например, *русицко* ‘русский’, суффикс абстрактных существительных *-имó*, например, *састимó* ‘здоровье’), и в исконной лексике (например, *амáл* ‘приятель, компаньон’, *андяр-* ‘везти’, *дудума-/дэдума-* ‘говорить, разговаривать’ и т. д.).

Говор цыган-сэрвов Белгорода стал объектом внимания исследователей уже в конце XVIII в. Ученый-путешественник академик Василий Федорович Зуев достаточно подробно и, главное, внятно описал его в своих дорожных записях [Зуев 1787]. Очень обстоятельно сэровицкие говоры на территории Южной России (в частности в нынешних Курской, Воронежской и Белгородской областях) и Украины в конце 20-х — начале 30-х гг. XX в. изучались уже упомянутым академиком А. П. Баранниковым. Результаты своих исследований сэровицкого, «влашского» и «гимпэнского» диалектов он представил в книге [Баранников 1933] и более широко и подробно в английском варианте [Barannikov 1934]. В последней книге приведены также записи «гимпэнского», «кишиневского» и кэлдэрарского диалектов, правда, со множеством ошибок в дешифровке, например, в кэлдэрарском тексте — *ĉi yanosardén ĉi yikti yaúa* в латинской транскрипции А. П. Баранникова должно было бы выглядеть как *ĉi yanosardém ĉi yek tigáua* ‘я не вылудил ни одной каструли’.

Второй по численности и по распространенности субэтнической группой цыган, говорящих на одном из несомненно влашских диалектов, являются цыгане влахи, или влахуря. Этот субэтнос традиционно обитал в приднепровских областях Правобережной Украины, но затем в результате миграций распространился по всему ареалу проживания сэровов. В некоторых южных областях России они составляют большинство цыганского населения.

Их диалект обнаруживает еще больше сходств с хорошо описанными влашскими диалектами (северной ветви), чем сэровицкий диалект. В области фонетики таким сходством является

деаффрикатизация, т. е. переход исконных аффрикат [дж] и [чх] соответственно в [ж] и [ш] (с разной степенью палатализации), например, *жанáў/жяня́ў* ‘знаю’, *жувáў/жювáў* ‘живу’, *шавó/шявó* ‘сын, парень-цыган’, *шэй/шей* ‘дочь, девушка-цыганка’, *шурí/шюрí* ‘нож’. В области морфологии — окончание -эм в 1 л. ед. ч. прошедшего времени: *мэ тердэм, авилém, лем, дэм* ‘я сделал(а), пришел (пришла), взял(а), дал(а)’ и т. д. В лексике диалекта вlahов больше румынских заимствований, чем в сэрвицком диалекте.

Оба вышеописанных диалекта объединяют особенности, которые А. Тенсер в описании цыганских диалектов Украины условно назвал «панукраинскими». К таким особенностям — кроме огромного украинского влияния на всех уровнях языка — он относит характерный для сэрвицкого и влашского диалектов переход [г] > [д’], [к] > [т’] (иногда [ц]) и [кх] > [т’х] (иногда [цх]) или просто [ц], а у вlahов иногда и [ч’]): в положении перед гласными э и и: *мáнди = мánгэ* ‘мне (дательный падеж)’, *ту́ти = ту́кэ* ‘тебе (дательный падеж)’, *тиндóм* ‘я купил(а)’ < *киндéм, тьхэр/цхэр/цэр/чер = кхэр* ‘дом’.

Описание (далеко не полное и неверное) говоров «вlahов» Правобережной Украины содержится в упомянутых публикациях А. П. Баранникова. Научных исследований, посвященных диалектам (говорам) «вlahов», живущих на территории РФ, пока что издано не было.

В российском Донбассе (Ростовская область) и в соседних районах Украины существует немногочисленное цыганское подразделение ришяров/ричаров. Время появления их в данном ареале неизвестно, но некоторые особенности фонетики и лексики свидетельствуют в пользу генетического родства их диалекта с влашскими. При первом знакомстве с речью ришяров может создаться впечатление, что она идентична влашской, но на самом деле между этими двумя диалектами наряду с общими дифференцирующими характеристиками существуют и серьезные различия. Так, например, в ришярском диалекте отсутствует такая «панукраинская» особенность как переход [г’] > [д’], [к’] > [т’], [к’х] > [т’х], характерная и для сэрвов, и для вlahов. В глаголах 1 л. ед. ч. прошедшего времени в ришярском диалекте употребляется окончание -ом с палатализацией предшествующего

согласного: *кэрдём* ‘я сделал(а)’, *авилём* ‘я пришел(а)’. В формах глаголов 2 и 3 л. мн. ч. прошедшего времени всегда употребляется «тематический» согласный *-н*: *авинэ* ‘вы/они пришли’, *гинэ-тар* ‘вы/они ушли’. В ришярском при образовании формы множественного числа заимствованных существительных мужского рода не употребляется румынский по происхождению суффикс *-уря/-уля*, как в сэрвицком и «влашском»: ришярское *бэяты* соответствует сэрвицкому и влашскому *бэятуря* ‘дети’. Абстрактные существительные в ришярском образуются при помощи суффикса *-нэ* в отличие от *-мо* в сэрвицком и *-мос* во влашском, ср. риш. *гуглинэ* = сэрв. *гуглимо* = влаш. *гуглимос* ‘сладость’. Заимствованные глаголы употребляются альтернативно или с суффиксом *-ун/-ин/-ын*, или же без него, но с «тематическими» гласными *-о/-и*: *жалунáў* или *жалóй* ‘желаю’, *печатынэл* или *печатóй* ‘печатает’, *пиструнэс* или *пистрós* ‘пишешь’. В ришярском лексические заимствования из румынского языка в большей степени фонетически идентичны оригиналу, чем у сэрвов и влахов.

Диалект практически не описывался из-за недостатка языкового материала (записей). Исключением является прочитанный мною доклад об этом диалекте [Черенков 2008]. Доклад был результатом анализа магнитофонных записей начала-середины 80-х гг. XX в. с устными текстами различного содержания — в основном этнографического и бытового. Запись (самозапись) проводила молодая (тогда около 18–20 лет) работница дирекции одного из совхозов Каменск-Шахтинского района Ростовской области — цыганка из ришярского клана *ямпилы*. Насколько мне известно, с тех пор ни в России, ни в Украине не появилось ни одной публикации по этому диалекту.

Все три вышеописанные диалекта испытали и испытывают огромное влияние украинского языка на всех языковых уровнях. Стоит еще отметить, что эти диалекты нигде, кроме Южной России и Украины, не встречаются.

К северным влашским диалектам относится диалект цыган кишиневцев (*кишынёвцуря*). Предки этих цыган покинули территорию Бессарабии в середине или во второй половине XIX в. и стали кочевать по территории Украины и Южной России. В настоящее время «кишиневская» общность в Украине и России делится

на два больших подразделения: 1) таврических «кишиневцев» (*ла Таврийкэ*) в Украине и 2) донских (*брэздъя*) «кишиневцев» в России. Судя по историческим, этнографическим и лингвистическим данным, современные украинские и русские «кишиневцы» происходят от одного из подразделений бессарабских цыган, говорящих на влашских цыганских диалектах, — лаешей. Их диалект отличается от современных влашских цыганских диалектов Республики Молдовы лишь бóльшим количеством новых русских и украинских заимствований. Румынского (молдавского) языка даже представители старшего поколения «кишиневцев» практически не помнят, и некоторые румынские заимствования в их диалекте подверглись фонетической трансформации: *чинзэч* ‘пятьдесят’ < рум. *cincizeci*; *гóрба* ‘слово’ < рум. *vorbă*; *лунта* ‘свадьба’ < рум. *nuntă*.

Диалект никем и никогда в России и в Украине не описывался и не изучался. Мне удалось расшифровать с видеокассеты, любезно предоставленной мне исследователем Николаем Владиславовичем Бессоновым, речь «кишиневца» из подразделения («поколения») туркулешти. Анализ этого текста ждет своей очереди.

Конечно же, самым «ярким» представителем влашских диалектов северной ветви является в России и на всем постсоветском пространстве диалект цыган-кэлдэраров (или котляров)³.

В России описанием и изучением кэлдэрарского диалекта занимался Роман Степанович Деметер и Лев Николаевич Черенков. В 1990 г. вышел под редакцией Л. Н. Черенкова «Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект)»

---

³ Предпочитаю этноним *кэлдэрары*, или *кэлдэраши*, по нескольким причинам: во-первых, он является интернациональным и понятен исследователям и самим цыганам этого субэтноса во всех странах их проживания; во-вторых, слово *котляры* все-таки является, прежде всего, профессионализмом, семантика которого понятна и самим цыганам, и носителям русского языка — так же, как и *căldărari* в Румынии. Но за пределами Румынии и ареала распространения румынского языка слово *кэлдэрары/кэлдэраши* уже теряет функции профессионализма и превращается в чистый этноним (чаще всего эндоэтноним). Неприязнь некоторых носителей кэлдэрарского диалекта к этому слову («*кэлдэрарами нас называют только ловаря*») вовсе не освобождает исследователя от обязанности последовательно употреблять этнонимическую терминологию.

[Деметер, Деметер 1990], собранный Романом Степановичем Деметером при помощи его брата Петра Степановича от их отца Степана (Ишвана) Петровича Деметера из вицы петрэшти (йонешти) нации вунгри. Словарь отображает состояние лексикона этого кэлдэрарского подразделения начиная с середины XIX в. и содержит также краткий грамматический очерк диалекта авторства Л. Н. Черенкова и Р. С. Деметера.

В 1999 г. Л. Н. Черенков написал и опубликовал в журнале «Grazer Linguistische Studien» «Краткую грамматику цыганского диалекта российских кэлдэраров (Eine kurzgefasste Grammatik des russischen Kalderaš-Dialekts des Romani)» [Tcherenkov 1999]. В. В. Шаповал в 2008 г. выпустил «Краткое руководство по цыганскому языку (кэлдэрарский диалект)» [Шаповал 2008]. В настоящее время Михаил Владимирович Ослон готовит к публикации монографию, в которой описывается грамматика кэлдэрарского диалекта цыганского языка в России. Ожидается продолжение исследований этого до сего времени хорошо сохранившегося цыганского диалекта, особенно таких его подразделений как *грéкуря/гр'куря* и *доброжяя*.

В первой половине 70-х гг. XX в. В. И. Санаров прислал в Институт востоковедения АН СССР для рецензии рукопись — одну букву кэлдэрарско-русского словаря, созданного на основе говора подразделения грекуря (которые называли себя не кэлдэраря, а кэлдэраша). Рукопись дали мне, и я написал, разумеется, положительную рецензию, правда, с некоторыми мелкими замечаниями. Дальнейшая судьба рукописи мне не известна. Говор т. н. «греков» в лексике довольно существенно отличался от известных мне говоров «венгров» (*вунгри*) и «молдован» (*молдова́я*) и некоторыми своими особенностями напоминал говор кэлдэраров вицы трумпешти в Сербии, которые, кстати, тоже предпочитают называть себя кэлдэраша.

К той же северной ветви влашской группы диалектов цыганского языка принадлежит диалект цыган-ловаров (*ловáра*). Это цыганское подразделение прибыло на территорию Российской империи (и позднее СССР) несколькими волнами.

Первая волна, возможно, прибыла с кэлдэрарскими потоками, поскольку у ловаров с кэлдэрарами всегда существовали тесные связи, включая матримониальные. Вторая волна последо-

вала за известными в Венгрии начала XX в. событиями, связанными с убийством в местности Даношпуста корчмаря-еврея, в котором подозревались кочевые «влашские» цыгане⁴. В 1939 г. после захвата Польши немецкими и советскими войсками ловары из этой страны переселились в СССР, в основном в Среднюю Азию. После войны большинство этих беженцев репатриировалось в Польшу, а затем значительное количество переселилось в Швецию.

Еще во время Гражданской войны в России часть ловаров переселилась в Югославию, в Воеводину, в район города Апатин. В 1943 г. немецкие оккупационные власти выслали их в Винницкую область Украины в концентрационный лагерь. Они были освобождены в 1944 г. Красной Армией и получили советское гражданство как репатрианты. В настоящее время, насколько мне известно, эта небольшая группа живет в г. Мытищи Московской области.

Российские ловары делятся на несколько групп, причем это деление определяется местом последнего проживания группы перед прибытием в Россию, например, *у́нгри* ‘венгры’, которые прибыли в Россию непосредственно из Венгрии позже других подразделений ловаров (похоже, что к ним по языку близки переселенцы из Воеводины). Лексикографией родного для него говора ловарского подразделения *чѳкэшти* (>*чѳкэци*) занимался Георгий Николаевич Цветков, выпустивший в 2001 г. «Романэ ворби. Цыганско-русский словарь (ловарьский [так! — Л. Ч.] диалект)» [Цветков 2002]. Г. Н. Цветков также создает на этом диалекте поэтические и прозаические произведения.

В 2008 г. Павел Николаевич Череповский (Гизом) из Харькова выпустил в свет «Русско-ромский разговорник (ловарьский диалект) = Русыцко-романо ворбитори (ловарицко шиб)» [Череповский 2008]. В «Разговорнике» представлен другой говор

---

⁴ Отголоски этих событий долго оставались в памяти наших ловаров — в 1961 г. я записал от Иосифа Семенова (Нано Цыно) легенду о ловарском вайде Даноше, который, изнасиловав дочь-красавицу еврейского корчмаря, убил ее и ее отца, подпалил корчму и скрылся в неизвестном направлении с 24 товарищами (*биш-тай-штăрэ пайтăшэнца* — фольклорное клише!), а венгерские власти стали хватать по всей стране цыган, из-за чего ловары бежали в Россию.

ловарского диалекта. Говоры ловарского диалекта в России совершенно не изучены.

В 2009 г. вышел грамматический очерк ловарского диалекта, авторами которого являются Марианна Владимировна Смирнова-Сеславинская и Георгий Николаевич Цветков [Смирнова-Сеславинская, Цветков 2009].

К большому сожалению, все работы, вышедшие в последние десятилетия в России и посвященные ловарскому диалекту, грешат не совсем верным описанием фонетических особенностей этой разновидности влашско-цыганской речи. В них, в частности, совершенно не отмечается такая характерная черта ловарских говоров, как противопоставление гласных по долготе/краткости, что имеет фонематическое значение, например, *bār* ‘сад’ и *бар* ‘камень’. Можно, конечно, иногда и пренебрегать выражением долготы/краткости (например, слово *āiçél* ‘остается, становится’ будет понятно и в том случае, когда начальный *a-* будет произнесен кратко). Но иногда это играет большую роль. Один мой ловарский собеседник никак не мог понять слово *txār* ‘коренной зуб’, так как я произносил его «по-кэлдэрарски» с кратким [a].

1.4. Балканские диалекты

Диалект крымских цыган — единственный на территории России, относящийся к южнобалканской группе. По лексике этого диалекта спорадически появлялись весьма краткие публикации в различных периодических изданиях. Капитально изучением диалекта субэтнической группы крымских цыган (*кырымлытика / кырымлыс рома*) занялся в 80-е гг. XX в. Вадим Германович Торопов, опубликовавший в 1994 г. брошюру «Крымский диалект цыганского языка» [Торопов 1994], а в 1999 г. — «Словарь языка крымских цыган» [Торопов 1999]. В. Г. Торопов, углубленно занимающийся также изучением фольклора крымских («татарских») цыган Кубани, является единственным компетентным специалистом по крымскоцыганскому диалекту не только у нас в стране, но и в мире. В 2010 г. он опубликовал на английском языке обобщающий труд [Тогоров 2010]. Диалект очень интересен способами адаптации лексических и морфологических заимствований из языков Балканского полуострова, румынского языка и крымско-татарских диалектов.

1.5. Центральные диалекты

Единственный диалект, принадлежащий к северной ветви центральной группы и бытующий в течение длительного времени (предположительно с конца XVII в.) на значительном расстоянии от ареала распространения родственных ему моравско-словацких диалектов, — это диалект цыган-плащунов. Эти цыгане живут крайне немногочисленными группами в украинском Донбассе и по всей территории Российской Федерации. Несмотря на то, что плащунский диалект испытал сильное влияние со стороны украинского и русского языков и диалекта цыган-«влахов», с моравско- и словацко-цыганскими диалектами его сближает ряд хорошо сохранившихся общих для перечисленных диалектов особенностей в фонетике, морфологии и лексике. В фонетике это прежде всего употребление [г], [й] или [Ø] в таких грамматических формах как совместно-орудийный падеж (инструментал) существительных обоих родов ед. ч. (*ромэ́йа* ‘(с) цыганом’, *ромня́йа* ‘(с) цыганкой’), в формах 2 л. ед. ч. и 1 л. мн. ч. глаголов будущего времени (*авэ́йа* ‘придешь’, *авáйа* ‘придем’), в таких лексемах как *гар/ар* ‘как’, *гаво́/аво́* ‘какой’, в формах 3 л. глагола-связки — (*г)и* ‘он/она есть, они суть’, (*г)ис* ‘он был / она была / они были’. Окончание заимствованных существительных мужского рода в плащунском диалекте — *-ос* или *-ис*. В лексике у плащунов наличествуют заимствования из венгерского, например, *гйабáскэ* ‘напрасно, зря’, (*й)и́гэн* ‘очень’, *лэкэ́това* ‘фартук, передник’, *пога́рис* ‘стакан’, *фадинáу-ман* ‘мерзну, замерзаю’ и др.), заимствования из южнославянских, например, *в(р)искин-* ‘кричать’, *мáчка* ‘кошка’, *ни́што* ‘ничего’, лексика и формы слов, характерные для цыганских диалектов карпатского ареала, например, *вакер-* ‘говорить’, *гани́к* ‘колодец’, *дэмав-* ‘ударять’, *ка́мпэл* ‘нужно, необходимо’, *ли́чи* ‘дерево’, *лукусто́* ‘солдат’, *по́цын-* ‘платить’, *ужар-* ‘ждать’, *худ-* ‘хватать, схватить’, *чи́рла* ‘давно’, *я́рмин* ‘капуста’.

Краткие материалы по этому диалекту были представлены на конференции и позже опубликованы [Cherenkov 2005]. В последнее время изучением этого диалекта занимался Кирилл Александрович Кожанов, прочитавший доклад о новых данных по диалекту плащунов в сентябре 2011 г. на Ежегодной встрече Общества по изучению цыган в Граце (Австрия) [Kozhanov 2011].

2. Перспективы изучения цыганских диалектов на территории России

Во-первых, для того, чтобы составить хотя бы предварительное представление о языке (диалекте, говоре), надо иметь образцы этого языка — тексты, собранные от (желательно компетентных) носителей языка. Совершенно необходимо иметь архив таких записей.

Во-вторых, мне кажется, что первоочередной задачей исследователей цыганского языка в России, пока живы носители говоров и диалектов, находящихся под угрозой исчезновения, является их описание (дескрипция) любыми доступными научными методами с применением любой (латинской или кириллической) адекватной транскрипции.

В-третьих, предстоит поработать с ономастикой, выработав единый корпус этнонимов, применяемых в цыганологических публикациях, поскольку русские традиционные этнонимы, с одной стороны, и цыганские эндонимы и экзонимы иногда существенно расходятся.

Эти три пункта и должны определять будущее цыганского языкознания в России.

Литература

- Абраменко О. А. (2006). *Очерки языка и культуры цыган Северо-Запада России (руска и лотфитка рома)*. Санкт-Петербург: Анима.
- Баранніков О. П. (1933). *Українські та південно-російські циганські діалекти*. Ленінград: Издательство Академии наук СССР.
- Вентцель Т. В. (1964). *Цыганский язык. Севернорусский диалект*. Москва: Наука.
- Григорьев М. (1851). *Формы и словарь цыганского языка*. Рукопись, хранящаяся в архиве Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург.
- Деметер Р. С., Деметер П. С. (1990). *Цыганско-русский и русско-цыганский словарь (кэлдэрарский диалект)* / Под ред. Л. Н. Черенкова. Москва: Русский язык.
- Добровольский В. Н. (1908). *Киселевские цыганы*. В. 1. Цыганские тексты. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Елоева Ф. А., Русаков А. Ю. (1985). Материалы по севернорусскому диалекту цыганского языка. I // *Лингвистические исследования* 1985. Москва: ИЯ АН СССР, 89-95.

- Елоева Ф. А., Русаков А. Ю. (1986). Материалы по севернорусскому диалекту цыганского языка. II // *Лингвистические исследования* 1986. Москва: ИЯ АН СССР, 80-84.
- Зуев В. Ф. (1787). *Путешественные записки Василья Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1781 и 1782 году*. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук.
- Истомин (Патканов) П. С. (1900). *Цыганский язык*. Грамматика и руководство к практическому изучению разговорной речи современных русских цыган. Москва: Русское товарищество печатного и издательского дела.
- Патканов К. П. (1887). *Цыганы. Несколько слов о наречиях закавказских цыган: боша и карачи*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Русаков А. Ю. (2004). *Интерференция и переключение кодов (севернорусский диалект цыганского языка в контактологической перспективе)*. Докторская диссертация. Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург.
- Санаров В. И. (1971). Проблемы историко-этнографического изучения цыган // *Советская этнография* 3: 59–67.
- Сергиевский М. В. (1931). *Цыганский язык*. Краткое руководство по грамматике и правописанию. Москва: Центриздат.
- Сергиевский М. В., Баранников А. П. (1938). *Цыганско-русский словарь*. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Смирнова-Сеславинская М. В., Цветков Г. Н. (2009). Грамматика цыганского языка (Диалекты ловаря и кэлдэраря, с опорой на диалект ловаря) // Смирнова-Сеславинская М. В., Цветков Г. Н. *Межкультурная русско-цыганская коммуникация*. Москва: ЦНПО, 218–425.
- Торопов В. Г. (1994). *Крымский диалект цыганского языка*. Иваново: Ивановский государственный университет.
- Торопов В. Г. (1999). *Словарь языка крымских цыган*. Иваново: Ивановский государственный университет.
- Цветков Г. Н. (2001). *Романэ ворби. Цыганско-русский словарь (ловарский диалект)*. Москва: Апостроф.
- Черенков Л. Н. (2008). *Диалект цыган-ришяров*. Доклад, прочитанный на 8-ой Международной конференции по цыгановедению, Санкт-Петербург.
- Череповский П. Н. (2008). *Русско-ромский разговорник (ловарский диалект). Русьцко-романо ворбитори (ловарицко шиб)*. Харьков: Прапор.
- Шаповал В. В. (2007а). Цыганские элементы в русском воровском аргое? (размышления над статьей акад. А. П. Баранникова 1931 г.) // *Вопросы языкознания* 5, 108–125.

- Шаповал В. В. (2007б). *Самоучитель цыганского языка (русско рома: севернорусский диалект)*. Москва: АСТ.
- Шаповал В. В. (2008). Переоцінка внеску українського циганського діалекту до російського злодійського жаргону у світлі критики сумнівного джерела 1927 р. // *Наукові записки*. Збірник праць молодих вчених та аспірантів 15, 504–516.
- Barannikov A. P. (1934). *The Ukrainian and South Russian Gypsy Dialects*. Leningrad: Publishing Office of the Academy.
- Boethlingk von O. (1853). Ueber die Sprache der Zigeuner in Russland // *Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des sciences de Saint-Petersbourg* 10 (1–3), 217–219.
- Cherenkov L. N. (2005). The Plaščuny and their dialect. Preliminary notes // Schrammel, B., D. W. Halwachs, G. Ambrosch (eds.). *General and applied Romani linguistics: Proceedings from the 6th International Conference on Romani Linguistics*. Munich: Lincom Europa, 43–47.
- Gilliat-Smith B. J. (1915). A report on the Gypsy tribes of North East Bulgaria // *JGLS*, new series, 9: 1–54, 65–109.
- Kozhanov K. (2011). *Notes on the Plaščuny dialect in Russia*. A talk given at The Annual Gypsy Lore Society Meeting, 1–3 September 2011, Graz, Austria.
- Miklosich von F. (1872–1880). *Über die Mundarten und Wanderungen der Zigeuner Europas*. T. I–XII. Wien.
- Matras Y. (2005). The classification of Romani dialects: A geographic-historical perspective // Schrammel B., Halwachs D. W., Ambrosch G. (eds.) *General and applied Romani linguistics: Proceedings of the Sixth International Conference on Romani Linguistics*. Munich: Lincom Europa, 7–26.
- Paspati A. G. (1870). *Études sur les Tchinghamianés ou Bohémiens de l'Empire Ottoman*. Constantinople.
- Sanarov V. (1967). Chez les Bedoni de la ville de Tioumen // *Études Tsiganes* 1–2, 5–12.
- Sanarov V. I. (1970). The Siberian Gypsies // *JGLS*, Ser. 3, 49: 128–136.
- Tcherenkov L. N. (1999). Eine kurzgefasste Grammatik des Russischen Kalderaš-Dialekts des Romani // *Grazer Linguistische Studien* 50, 131–166.
- Tenser A. (2012). A report on Romani dialects in Ukraine: Reconciling linguistic and ethnographic data // *Romani Studies* 5, Vol. 22, No. 1, 1–13.
- Toropov V. G. (2010). *Crimean Roma: Language and Folklore*. Ivanovo: Unona.
- Wentzel T. (1980). *Die Zigeunersprache (Nordrussischer Dialekt)*. Leipzig: Verlag Enzyklopädie.

ДИАЛЕКТ РУССКИХ ЦЫГАН

И. Ю. Махотина

Тверь

ДИАЛЕКТ РУССКИХ ЦЫГАН В ОЧЕРКЕ Ж. ЛЕКУЭНТА ДЕ ЛАВО (1827)¹

Оживление цыгановедческих исследований, происходящее в последнее десятилетие в России, привело к открытию большого объема новых материалов, в том числе источниковых². В настоящей статье анализируется запись русскоцыганского диалекта, сделанная в 1827 г., т. е. почти на десять лет раньше заметок Дж. Борроу³.

Очерк «Цыганы» Ж. Лекуэнта де Лаво, написанный в 1827 г. и изданный в 1829 г. в составе «Путеводителя по Нижнему Новгороду и ежегодно бывающей в нем ярмарки» [Лекоент де Лаво 1829: 95–106]⁴, не подвергался анализу спе-

---

¹ Полный анализ источника см. в [Махотина 2013].

² См., например, [Абраменко 2006; Петрович 2007; Тогоров 2010; Бессонов 2011; Цветков, Смирнова-Сеславинская 2012]. Подробнее о текстовых источниках и их публикациях см. [Смирнова-Сеславинская 2012: 188–200].

³ Старейшим образцом цыганской речи в кириллической записи предположительно являются материалы академика П. С. Палласа (диалектное распределение материала не уточнено) [Паллас 1787–1789; Шаповал, рукопись]. Фрагментарные записи английского миссионера Дж. Борроу, сделанные в 1835 г. в Москве [Борроу 1837: 121; Борроу 1841: 676; Воргов 1846: 6], ранее считались первой фиксацией диалекта русских цыган. Первым полноценным описанием севернорусского диалекта стала любительская грамматика московского мещанина М. Григорьева [Григорьев 1851], часть которой издана в научном сообщении О. Бётлингга [Boehtlingk 1853].

⁴ См. также в [Богородицкая 2000: 25–53], репринт [Лекоент де Лаво 2012].

циалистов-цыгановедов⁵, между тем собранный автором материал включает интересные этнографические наблюдения, а также небольшой (52 лексемы, 57 словоформ), но довольно точный словарь языка *русских цыган*⁶.

Ж. Лекуэнт де Лаво⁷ (Georges Etienne François Lecoïnte de Laveau, 20.04.1783 — не ранее 1833 [GENEANET]), или Егор Иванович Лаво, — французский литератор⁸, переводчик⁹, книговед и исследователь русской истории ([Lecoïnte de Laveau 1814]; [Lecoïnte de Laveau 1818]; [de Laveau 1820]; [le Cointe de Laveau 1824]; [Лекоент де Лаво 1824]), публиковавшийся на французском, русском и итальянском языках, секретарь иностранного отдела Императорского Московского общества испытателей природы [Quérad 1833: 57], издатель ежемесячного журнала

---

⁵ Публикация Лекуэнта де Лаво не отмечена в библиографии А. В. Германа [Герман 1930]. Как анонимный труд указана, но ни разу не цитируется, в библиографии Т. А. Щербаковой, см. [Щербакова 1987: 158].

⁶ *Русские цыгане* (самоназвание *русска ромá*) — наиболее ранняя по времени прибытия и самая многочисленная группа российских цыган. Занятия группы включали барышничество, гадание и попрошайничество, кроме того, распространение музыкального исполнительства русских цыган привело к появлению в конце XVIII в. профессиональных хоров, имевших огромное значение для русской культуры. Культура русских цыган испытала наибольшее влияние русской традиции, вместе с тем это одна из наименее изученных субэтногрупп.

⁷ Существует несколько вариантов передачи этого имени в русской транскрипции: Г. Делава [Лекуэнт де Лаво 1808], Г. Лекоента де Лаво [Лекоент де Лаво 1824; Лекоент де Лаво 1829], Лекуэнт Делава [Осповат 2007: 87].

⁸ О предположительном влиянии романа Лекуэнта де Лаво «Дмитрий и Надежда, или Замок на берегу Урала» [Лекуэнт де Лаво 1808; Lecoïnte de Laveau 1808] на сюжет повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» см. [Левин 1996: 326–331; Осповат 2007: 87–90].

⁹ Лекуэнт де Лаво перевел роман английской писательницы Элизабет Ганнинг «Графиня-цыганка» (1799) [Gunning 1802] и путевые заметки М. Н. Муравьева-Карского [Mouraviev 1823] на французский язык; кроме того, он выступил издателем исторического труда Д. Н. Бантыш-Каменского на французском языке [Bantisch-Kamensky 1829].

«Bulletin du Nord»¹⁰, выходявшего в Москве с января 1828 по декабрь 1829 гг.

В России Лекуэнт де Лаво публиковался с 1808 по 1835 гг., а к моменту подготовки путеводителя находился в нашей стране около двадцати лет, но не завел здесь семейных связей¹¹.

Очерки «Цыганы» и «Прогулка по Нижегородской ярмарке» — своего рода занимательное приложение к историко-статистическим материалам основной части путеводителя, в которой автор неоднократно ссылается на печатные источники и документы на русском и немецком языках [Лекоент де Лаво 1829: 14, 47, 66, 94].

В очерке «Цыганы» автор приводит как данные о происхождении цыган (вероятно, почерпнутые из зарубежных публикаций, которые еще предстоит установить)¹², так и общие сведения о положении цыган в России, их быте, нравах, религии, занятиях и взаимодействии с окружающим населением, например: «Торговля лошадьми есть единственная отрасль промышленности их [цыган — *И. М.*], которая доставляет им средство платить за убогое убежище во время жестокой стужи продол-

---

¹⁰ «Bulletin du Nord. Journal scientifique et litteraire, contenant: des memoires et notices, des analyses et extraits d'ouvrages nouveaux, des varietes et melanges, des annonces bibliographiques» («Северный вестник. Научный и литературный журнал, содержащий: записки и заметки, разборы и отрывки из новых книг, разные сведения и библиографические объявления»), см. [Сперанская 2005: 19–20].

¹¹ 26 января 1806 г. в Москве Лекуэнт де Лаво вступил в первый брак с соотечественницей Александрин-Мари Морманн, второй брак был заключен также с француженкой Луиз-Августин Кабо д'Эпревилль, в Париже 25 мая 1833 г. [GENEANET].

¹² Следует отметить, что в тексте нет указаний на возможное знакомство автора с русскими пересказами работы Грельмана [О происхождении 1794] или переведенным с польского языка исследованием И. Даниловича [Данилович 1826], а также с официальными документами, касающимися цыган. В сноске на с. 101 автор упоминает историков в контексте немецких цыган («По мнению, принятому некоторыми учеными, германские цыгане происходят от касты, высланной Тамерланом из Индии около 1409 года»), а в сноске на с. 103 касается известной истории о хоровой цыганской певице Стеше и итальянской оперной диве Каталани без ссылки на очерк П. П. Свиньина [Свиньин 1822: 394–402].

жительной зимы. Ненавидимые жителями сел, они охраняются в деревнях только одним суеверием, где почитают их за людей сверхъестественных, ибо они умеют предсказывать будущее»¹³ [Лекоент де Лаво 1829: 98].

Нельзя не отметить весьма доброжелательный для своего времени тон очерка. Автор снисходителен и лишен распространённых предрассудков по отношению к цыганам, к примеру: «Они не имеют более отечества на земле, но оно существует еще в их понятиях, в то время, когда невежество и суеверие страшились колдовства и злоторства, тогда нередко они платили свою жизнь за горестные преимущества, не принадлежащие ни к какому обществу, и если гораздо позднее их терпели, то только удручая презрением, которое сделалось как бы следствием врожденного порока, наследием, переходящим от отца к сыну; сперва скитаясь из страны в страну по привычке и по вкусу, впоследствии они по необходимости сделались кочующими, ибо от них запирали ворота городов. Невозможно было, чтобы люди, которых расположение гражданского начальства беспрестанно преследовало, не привыкли, наконец, жить в беспрестанном нарушении сих строгих мер, и чтобы они, будучи без причины обвиняемы, не приняли, наконец, такого рода жизни, в котором бы дерзость побеждала силу, а хитрость законы» [Лекоент де Лаво 1829: 96–97].

Лекуэнт де Лаво различает «кочующих» и городских оседлых («сидячих») цыган. Именно с последними преимущественно связаны его наблюдения. Таким образом, вывод о том, что именно хоровые русские цыгане могли быть информантами собирателя, напрашивается сам собой. Автор коротко высказывается о хоровом исполнительстве и пляске, довольно ценным представляется беглое описание быта и особенностей отношений между членами цыганских хоров: «Та, которая по причине болезни или старости, лишится возможности споспешествовать благу общества, где бывает оставлена своими подругами, продолжает разделять плоды их трудов и бережливости; ибо между ими всё есть общее, как богатство, так и бедность, как радость, так и горесть»¹⁴;

---

¹³ Здесь и далее цитаты даны по правилам современной орфографии.

¹⁴ О том, что до революции 1917 г. на попечении хоров находились сироты и престарелые исполнители, потерявшие возможность себя

«Зимую они живут в городах и с большим трудом снискивают себе пропитание, но за то они вознаграждают сие бедствие летом во время своих поездок на ярмарке, где им нередко случается собирать от 5 до 600 руб. в один вечер. Обыкновенно самолюбие их слушателей увеличивает их сборы, ибо каждый имеет полное право давать им, сколько сам захочет. Иногда, продолжив удовольствие вечеринки, веселый хозяин, несмотря на свое достоинство, берет их за руки, когда они ходят собирать награждение за доставленное удовольствие; в таком случае, если их сбор не утроится, то верно удвоится» [Лекоент де Лаво 1829: 99–100, 104]. Не остается без внимания автора и нравственный облик хористок: «Воздержание, столько редкое между их мужчинами, есть как особенная принадлежность их женщин, и если которая из них откажется от сей редкой добродетели, то она не может более принадлежать к сему обществу, в коем может нарушить согласие и расстроить выгоды. Спокойные среди распутства, которое царствует вокруг их и одушевляется их песнями, они сохраняют такую скромность, которая уже не один раз возжигала сильнейшие страсти»¹⁵ [Лекоент де Лаво 1829: 99]. Любопытно замечание Лекуэнта де Лаво о внешнем облике городских цыганок: «... их одяние вообще не представляет чувствительной разницы с одянием прочих женщин государства, однако ж оно всегда имеет какое-нибудь особенное народное отличие, которое состоит менее в разности одежды, нежели в способе носить ее. Таким образом, встречаешь цыганок, на которых платок лежит на плечах, как распущенный плащ; но каким бы образом они ни оделись, невозможно их не узнать» [Лекоент де Лаво 1829: 100].

Завершается очерк упомянутыми лингвистическими замечаниями: «Их язык, имеющий сильное ударение, есть не иное что, как передаточный идиом; и великие возмущения, которые он испытал от смешения с разными азиатскими и европейскими наречиями, кажется, противятся отысканию его происхождения.

обеспечивать, сообщают цыганские мемуаристы, представляющие известные артистические династии [Панков 1950-е: 20; Сорокина 1966: 95; Ром-Лебедев 1990: 92].

¹⁵ О воздержанности хоровых цыганок много позднее писал в книге «Путешествие в Россию» (1867) соотечественник Лекуэнта де Лаво Теофиль Готье, см. [Готье 1988: 371].

Большая часть их глаголов, кажется, должны быть недостаточными¹⁶, и я всегда тщетно старался заставить их проспрягать мне хотя один целый глагол. Их спряжения означаются переменою окончаний; таким образом, глагол их *комама*, любить в других временах имеет *Комулса*, *Комуила*, *Камасса*, *Камена* и пр. Многие слова перешли в их язык из других, почти без всякой перемены или только с весьма нечувствительными изменениями; я приведу для примера следующие слова: *Porte*, дверь, имеет у них тоже значение, какое на французском языке; также как и слово *пипка*, которое, кажется, произведено от французского *pipe*, трубка; между словами, взятыми из немецкого языка, замечательные *Штубе* (*Stube*) комната и *Штуло* (*Stule*) стул; а слово: река, *Дада*, (отец), *мас*, (мясо), *скамине* (стол), *чара* (чашка), *синио*, *желто*, и пр. взяты из русского языка. *Форо*, город, кажется, есть испорченное латинское слово *forum*. Другие выражения, кажется, произошли от древних языков, как то можно видеть из слова *Кер*, дом. Наконец в их языке есть слова первообразные и, кажется, принадлежащие языку первобытному <...>. Пишут они обыкновенно буквами, какие употребляет тот народ, у которого они живут» [Лекоент де Лаво 1829: 104–106].

Материал мог быть собран от нескольких информантов, в том числе, от носителей разных диалектов (севернорусского и сэрвицкого). Между тем следующий далее комментарий¹⁷ базируется на предположении, что в основе записей — диалект русских цыган (в таблице сохранен авторский курсив, скобки, пробелы, написание слов с заглавной буквы):

---

¹⁶ Под этим определением автор, вероятно, понимает нерегулярно образуемые формы (т. н. неправильные глаголы).

¹⁷ При комментировании «словаря» Лекуэнта де Лаво используются данные словарей: [Miklosich 1872; Сергиевский, Баранников 1938; Boretzky, Iglá 1994] и лексической базы [ROMLEX].

№	В ТЕКСТЕ ДЕ ЛАВО [Лекоент де Лаво 1829: 104-106]			ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ			
	цыг. слова	перевод	этимология	цыг. слова	перевод	этимология	ссылка
1	<i>комама</i>	любить	—	<i>камá-м(а)</i> ¹⁸	люблю досл. хочу	индоар.	[Boretzky, Iгла 1994: 318]
2	<i>Комул-са</i>		—	<i>камэса</i>	любись		
3	<i>Кому-ила</i>		—	<i>камэла</i>	любит		
4	<i>Камас-са</i>		—	<i>камáса</i>	любим		
5	<i>Камена</i>		—	<i>камэна</i>	любите, любят		
6	<i>Porte</i>	дверь	франц.?	<i>пóрта</i>	ворота	греч. пóрта 'дверь, ворота'	[Mānušs 1997: 103]
7	пипка	трубка	франц. pipe	<i>пiпка</i>	трубка, ветка ¹⁹	нем. ²⁰	

¹⁸ О возможном существовании формы с конечным *a* в XIX в. см. [Шаповал 2007: 35].

¹⁹ В таком значении слово употребляется во фразеологизме *Пэ пiпка кхнэла* 'На ладан дышит', букв. 'На веточку гадит', зап. И. Ю. Махотина от Р. П. Золотаревой, 1942 г. р., русской цыганки из рода «бычкi» («бычкэнгир»), Тверь, 2010. [Махотина 2010: 127].

²⁰ Суффикс *-к-* указывает на то, что слово было заимствовано из славянского языка или, если было заимствовано напрямую из немецкого, было позже адаптировано по славянской модели, ср. белор. *пiпка* 'курительная трубка'. В свою очередь славянские языки заимствовали его из немецкого, см., например, [ЭСБМ 2004: 135–136].

8	<i>Штубе</i>	комната	нем. Stube	<i>штуба</i>	комната	нем. <i>Stube</i> уст. 'комна- та'	
9	<i>Штуло</i>	стул	нем. Stule	<i>шту́ло</i> ²¹	стул	нем. <i>Stuhl</i> 'стул'	
10	<i>река</i>	река	рус.	<i>рэ́ка</i>	река	слав.	
11	<i>Дада</i>	отец	русск.	<i>дад</i> <i>да́до</i>	отец отец — зват. п.	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 315]
12	<i>мас</i>	мясо	русск.	<i>мас</i>	мясо	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 321]
13	<i>скаmine</i>	стол	рус.	<i>скамінд</i>	стол	греч. σκαμνί 'табу- рет, скаме- ечка'	[Boretzky, Igla 1994: 337]
14	<i>чара</i>	чашка	рус.	<i>чаро́</i> ²²	чашка, миска	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 314]
15	<i>синио</i>	—	рус.	<i>сінё</i>	синий	рус.	
16	<i>желто</i>	—	рус.	<i>жёлто</i>	желтый	рус.	
17	<i>Форо</i>	город	лат. forum	<i>фóро</i>	город	греч. φόρος	[Boretzky, Igla 1994: 334]
18	<i>понори</i>	вода	—	<i>панорí</i> диминут. от <i>паньí</i>	вода	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 322]
19	<i>кер</i>	дом	—	<i>кхэр</i>	дом	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 320]

²¹ Стоит отметить, что это чуть ли не единственное фиксирование слова с начальным *ш-*, обычно *штуло*.

²² Приведенное в [Сергиевский, Баранников 1938: 148] ударение на первый слог *чяро*, видимо, является ошибкой.

20	вонем-ро	дерево	—	[?] <i>па-рамаро́</i> парно+ маро (белый+ хлеб)	пирог	индоар.	
				[?] <i>bohétien</i>	цыган, цыган- ский	франц. <i>Bohétien</i> 'цыган'	
21	<i>манум</i>	мужчи- на	—	<i>ману́ш</i>	человек, мужчина	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 321]
22	<i>джювли</i>	женщи- на	—	<i>джювлы́</i>	женщина	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 316]
23	<i>тикни тишеи</i>	молодая девушка	—	<i>тыкны́</i>	малень- кая	индоар	[Boretzky, Igla 1994: 327]
				<i>чай, цей</i>	девочка	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 55]
24	<i>Болубеи</i>	Небо	—	<i>болыбэ́н</i>	небо	индоар	[Boretzky, Igla 1994: 313]
25	<i>дайа</i>	мать	—	<i>дай</i>	мать	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 315]
				<i>да́йо</i>	мать — зват. п.		
26	<i>и эда</i>	платье	—	<i>и́дя</i>	одежда	греч. <i>γίδα</i> 'козлята, козья шкура'	[Mānuš 1997: 66]
27	<i>дикло</i>	платок	—	<i>дыкхло́</i>	платок	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 317]
28	<i>стади</i>	шапка	—	<i>стады́</i>	шляпа	греч. <i>σκιὰδτ</i> 'неболь- шая тень'	[Boretzky, Igla 1994: 264]

29	<i>граи</i>	лошадь	—	<i>грай</i>	конь	армянск. <i>grast</i>	[Boretzky, Igla 1994: 332]
30	<i>грувни</i>	корова	—	<i>гурувны́</i>	корова	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 317]
31	<i>бакро</i>	баран	—	<i>бакрօ</i>	баран	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 312]
32	<i>джукал</i>	собака	—	<i>джюкэл</i>	собака	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 316]
33	<i>парно</i>	белый	—	<i>парно́</i>	белый	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 322]
34	<i>кало</i>	черный	—	<i>кало́</i>	черный	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 318]
35	<i>лобо</i>	красный	—	<i>лоло́</i>	красный	индоар	[Boretzky, Igla 1994: 321]
36	<i>рой</i>	ложка	—	<i>рой</i>	ложка	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 325]
37	<i>маро</i>	хлеб	—	<i>маро́</i>	хлеб	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 321]
38	<i>пара- маро</i>	белый хлеб	—	<i>парама- ро́</i> из <i>парно</i> ‘белый’ + <i>маро</i> ‘хлеб’	пирог	индоар.	
39	<i>чури</i>	ножик	—	<i>чюри́</i>	ножик	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 315]
40	<i>чирико- ро</i>	птица	—	<i>чирикло ро́</i> димину- тив от <i>чириклօ</i>	птица	индоар.	[Boretzky, Igla 1994: 314]

41	<i>васте</i>	рука	—	<i>васт</i>	рука	индоар.	[Boretzky, Iгла 1994: 328]
				<i>вастá</i>	руки		
42	<i>шери</i>	голова	—	<i>шэрó</i>	голова	индоар.	[Boretzky, Iгла 1994: 326]
43	<i>гуери</i>	нога	—	<i>гэрóй</i>	нога	индоар.	[Boretzky, Iгла 1994: 317]
44	<i>нак</i>	нос	—	<i>накх</i>	нос	индоар.	[Boretzky, Iгла 1994: 322]
45	<i>му</i>	рот	—	<i>муй</i>	рот	индоар.	[Boretzky, Iгла 1994: 322]
46	<i>и акх</i>	глаз	—	<i>йакх</i>	глаз	индоар.	[Boretzky, Iгла 1994: 318]
47	<i>и акха</i>	глаза	—	<i>йакхá</i>	глаза		
48	<i>серен</i>	все	—	<i>сарэ</i>	все	индоар.	[Boretzky, Iгла 1994: 255, 257, 325]
				<i>сарэн</i>	всех (вин. пад.)		
49	<i>скинава</i>	покупать	—	<i>скина́ва</i> от <i>кина́ва</i> 'покупаю'	скупаю	индоар.	[Boretzky, Iгла 1994: 319]
50	<i>бакнава</i>	продавать	—	<i>бик(и)-на́ва</i>	продаю	индоар.	[Boretzky, Iгла 1994: 313]
51	<i>девел</i>	Бог	—	<i>Дэвэл</i>	Бог	индоар	[Boretzky, Iгла 1994: 315]
52	<i>кирвори</i>	табак	—	<i>киркори́</i> диминутив от <i>кирки́</i>	табак	индоар.	[Boretzky, Iгла 1994: 319]
					досл. горькая		
53	<i>джиава</i>	идти	—	<i>дэ́ява</i>	иду	индоар.	[Boretzky, Iгла 1994: 316]
54	<i>а и</i>	да	—	<i>а́и</i>	да	?	

55	<i>на</i>	нет	—	<i>на</i>	нет	индоар.	[Boretzky, Iгла 1994: 322]
56	<i>мелдия</i>	<i>пирог</i>	—	[?] шутка инфор- манта: <i>мэл дыя</i>	грязь <он(а)> дал(а)		
				[?] <i>mariklia</i> мн. ч. от <i>мариклы</i>	блины, лепешки	индоар.	[Boretzky, Iгла 1994: 177]

Итак, за исключением двух словоформ (№ 20 — *вонемеро*, № 56 — *мелдия*), идентифицировать которые с полной уверенностью не удалось, точность записи и перевода весьма высока²³, а предположения о происхождении слов достаточно корректны. Памятуя о национальности собирателя, логично допустить, что изначально слова были зафиксированы латиницей по правилам французского языка. Так, *e* на конце слова в №№ 13 и 41 и удвоение *s* в № 4 можно связать с правилами чтения во французском языке (*e* в конце слова не читается; одно *s* между гласными читается как *з*; ошибки в №№ 35 и 52 могут являться следствием смешения *b/l* и *v/k*; буквосочетания *ул* (*ul*), *уи* (*ui*), *уе* (*ue*) соответственно в №№ 2, 3, 43 и букву *у* (*u*) в № 24 можно истолковать как попытку передачи латиницей звука [ы], в этом случае ошибка в № 2 — смешение *l/i*. Однако замечание об употреблении цыганами алфавита окружающего населения, предположительно указывает на то, что Лекуэнт де Лаво прибегал к некой форме письменного опроса²⁴.

²³ По сравнению с другими бессистемными слуховыми записями, сделанными людьми, не владеющими цыганским языком. Ср., например, публикации К. М. Голодникова и А. А. Григорьева [Голодников 1884: 53, 57–58; Григорьев 1915: 46–48]. Расшифровки ряда текстов, зафиксированных последними, см. в [Махотина 2012: 73, 80, 89].

²⁴ По результатам анализа М. В. Сеславинской данных переписи населения 1897 г., большая часть грамотных цыган Великороссии была «грамотна на русском языке». См. сноску 6 в статье [Смирнова-Сеславинская, настоящий сборник].

При реконструкции были учтены возможные ошибки, связанные с недостатком наблюдения (например, в словах №№ 27 и 44 не обозначаются придыхательные), ошибки, допущенные не владеющим цыганским языком собирателем при переписывании собственных записок или наборщиком, к погрешностям которого может относиться смешение *o/a*, *m/ш*, *u/н*, *a/u* (соответственно в словоформах №№ 18, 21, 24, 50).

На принадлежность словаря диалекту северо-восточной диалектной группы указывает ряд языковых особенностей: 1) окончание в слове *камам(a)*; 2) слова: а) *аи* ‘да’ (также употребляется в диалекте сэрвов [Сергиевский, Баранников 1938: 8]) б) *грай* ‘конь’ в) *скаминд* в значении ‘стол’ (то же значение имеет в диалекте сэрвов [Сергиевский, Баранников 1938: 126]); 3) славянская префиксация в слове *скинава* (характерна и для сэрвицкого диалекта, однако в раннем источнике диалекта сэрвов не отмечена [Зуев 1787: 180–182]); 4) адаптированные заимствования из русского языка — *сiнё*, *жёлто*. В то же время пример № 23 — словосочетание *тикни тшеи*, с большей вероятностью реконструируемое как *тыкны щей*, нежели русскоцыганское *тыкны чай*, может указывать на влияние фонетики диалекта сэрвов²⁵. В этом смысле сомнения вызывают также примеры №№ 22 — *джювли*, 27 — *дикло*, 28 — *стади*, 30 — *грувни*, которые также можно рассматривать в качестве инодиалектных вкраплений, если понимать *и* как указание на смягчение согласных. Впрочем, есть всего лишь одна словоформа, наводящая на мысль, что информантами собирателя были носители разных диалектов, а отсутствие букв *ы* и *э* в записях позволяет говорить об иных проблемах фиксации. Такие особенности записи, как написание *и* вместо *ы* в словоформах №№ 22, 23, 27, 28, 30, *и* вместо *й* в №№ 21, 27, 34, 41 и *е* вместо *э* в №№ 5, 10, 19, 24, 48, 51, можно идентифицировать как упущения при транслитерации, связанные с тем, что во французской транскрипции *й/и/ы* и *е/э* не различаются и отображаются как *i* и *e* соответственно. Таким образом, если предполагать неразличение в записи *й/и/ы* и *е/э*, диалект записей точно опознается как севернорусский.

---

²⁵ Ср. *дией/тчей* ‘дочь’ в раннем источнике диалекта сэрвов [Зуев 1787: 180, 182].

Мы видим, что, хотя основной массив данных можно предварительно отнести к русскоцыганскому диалекту, имеется ряд вопросов, связанных как с оценкой материала в целом, так и с методами его дальнейшего изучения. Так, особенности материала словаря можно рассматривать как в плане его диалектной однородности (возможная разнодиалектность данных словаря), так и в плане междиалектного влияния в среде информанта/информантов, неизвестных особенностей фонетики в данном регионе в данный период и т. д. Кроме этого, необходимо учитывать и социокультурные особенности собирателя (и различать ошибки расшифровки/транслитерации записей и реальные диалектные формы), а также условия, которые могли повлиять на сбор материала и характер записи, и возможные экстралингвистические факторы. К сожалению, имеющийся материал недостаточен для того, чтобы учесть все эти условия и факторы.

В то же время, можно утверждать, что источник первичен, уникален и представляет немалую ценность для изучения языка и культуры русских цыган.

Литература

- Абраменко О. А. (2006). *Очерки языка и культуры цыган Северо-Запада России (русска и лотфитка рома)*. Санкт-Петербург: Анимас.
- Бессонов Н. В. (2011). Этническая группа цыган-кишиневцев // *Revista de etnologie si culturologie IX–X*, 62–75.
- Богородицкая Н. А. (2000). *Нижегородская ярмарка в воспоминаниях современников*. Нижний Новгород: Типография Нижегородского государственного университета, 25–53.
- Борроу Дж. (1837). Цыгане в России и Испании // *Библиотека для чтения* 20 (VII), 120–125.
- Борро Дж. (1841). Цыганы // *Северная пчела* 169, 675–676.
- Герман А. В. (1930). *Библиография о цыганах. Указатель книг и статей с 1780 г. по 1930 г.* Москва: Центриздат.
- Голодников К. М. (1884). Цыгане // Дмитриев-Мамонов А. И., Голодников К. М. (сост.). *Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 год*. Тобольск: Типография Тобольского Губернского Правления, 53, 57–58.
- Готье Т. (1988). *Путешествие в Россию*. Москва: Мысль.
- Григорьев А. А. (1915). Русские народные песни с их поэтической и музыкальной стороны // Саводник В. Ф. (ред.). *Собрание сочи-*

- нений Аполлона Григорьева. Т 14. Москва: Типолиитография Т-ва И. И. Кушнерев и К°.
- Григорьев М. (1851). *Формы и словарь цыганского языка*. Рукопись хранящаяся в архиве Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург.
- Данилович И. (1826). Историческое и этнографическое исследование о цыганах // *Северный архив* Ч. 19, № 1, 64–79; № 2, 180–195; № 3, 276–290; № 4, 384–403; Ч. 20, № 5, 73–86; № 6, 184–208. [Перев. с польского Ордынский].
- Зуев В. Ф. (1787). *Путешественные записки Василья Зуева от С. Петербурга до Херсона в 1871 и 1782 году*. Санкт-Петербург: Императорская Академия Наук.
- Левин Ю. Д. (1996). Неизвестная параллель к «Капитанской дочке» Пушкина // *Россия, Запад, Восток. Встречные течения. К 100-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева*. Санкт-Петербург: Наука, 326–331.
- Лекоент де Лаво Г. (1829). *Описание Нижнего Новгорода и ежегодно бывающей в нем ярмарки*. Москва: Типография Августа Семена при Императорской Медико-хирургической Академии.
- Лекоент де Лаво Г. (2012). *Описание Нижнего Новгорода и ежегодно бывающей в нем ярмарки*. Москва: Книга по требованию.
- Лекуэнт де Лаво Г. (1808). *Дмитрий и Надежда, или Замок на берегу Урала. Российская новость*. Москва: Университетская типография.
- Лекоент де Лаво Г. (1824). *Путеводитель в Москве, изданный Сергеем Глинкою, сообразно французскому подлиннику Г. Лекоента де Лаво с некоторыми пересочиненными и дополненными статьями*. Москва: Типография Августа Семена при Императорской Медико-хирургической Академии.
- Махотина И. Ю. (2010) Фразеология и малые жанры фольклора русских цыган // Ситникова С. А. (ред.) *Фольклор в современной культуре. Материалы научно-практической конференции*. Тверь: СФК-Сфинкс, 126–129.
- Махотина И. Ю. (2012) *Цыгане и русская культура. Литература и фольклор*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Тверской государственной университет, Тверь.
- Махотина И. Ю. (2013). *Культура и язык русских цыган в очерке Лекуэнта де Лаво (1827)*. Готовится к печати.
- О происхождении цыганов [взято из исторического опыта г. Грельмана о роде жизни, обычаях и состоянии цыганов]. (1794) // *Новые ежемесячные сочинения*. Октябрь, 4–14.
- Осповат А. Л. (2007). О некоторых сюжетных источниках «Капитанской дочки» // Bethea D. M., Fleishman L., Ospovat A. (eds.) *The Real*

- Life of Pierre Delalande: Studies in Russian and Comparative Literature to Honor Alexander Dolinin*. Part I. Stanford: Stanford University, 87–90.
- Паллас П. С. (1787–1789). *Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею всевысочайшей особы*. Ч. I–II. Санкт-Петербург.
- Панков Н. А. (1950-е). *Записки старого цыгана о цыганских хорах*. Рукопись, хранящаяся в архиве И. Ю. Махотиной.
- Петрович О. Н. (2007). *Бароны табэра сапоррони*. Санкт-Петербург: Анима.
- Ром-Лебедев И. И. (1990). *От цыганского хора к театру «Ромэн»*. Москва: Искусство.
- Свиньин П. П. (1822). Русская Каталани // *Отечественные записки* 12 (32), 394–402.
- Сергиевский М. В., Баранников А. П. (1938). *Цыганско-русский словарь*. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- Смирнова-Сеславинская М. В. (2012). Текстовые источники изучения языка и культуры цыган России // *Журнал социологии и социальной антропологии* 4, 188–200.
- Сорокина Е. А. (1966). Записки цыганской певицы // *Наш современник* 3, 93–102.
- Сперанская Н. М. (2005) *Петербургская газета "Le Furet" — "Le Miroir" и русская литература конца 1820-х — начала 1830-х гг.* Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических. Тверской государственный университет, Тверь.
- Цветков Г. Н., Смирнова-Сеславинская М. В. (2012). Баллада «Машкар лэ стрийна» в контексте традиционной цыганской культуры // *Традиционная культура* 3, 128–142.
- Шаповал В. В. (2007). *Самоучитель цыганского языка (русска рома: севернорусский диалект)*. Москва: АСТ.
- Шаповал В. В. *Посторонние вкрапления в цыганских материалах П. С. Палласа*. Рукопись, доступная на сайте (<http://www.liloro.ru/romanes/shapoval4.htm>).
- Щербакова Т. А. (1987). *Цыганское музыкальное исполнительство и творчество в России*. Москва: Музыка.
- ЭСБМ — Цыхун Г. А. (рэд.) (2004). *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*. Т. 9. Мінск: Беларуская навука.
- Bantisch-Kamensky M. [д. б. D. N. — И. М.] (1829). *Illustrations de la Russie, ou Galerie des personnages les plus remarquables de cet empire, sous le règne de Pierre-le-Grand*. Paris: Moutardier, Libraire.

- Boehlingk O. (1853). Ueber die Sprache der Zigeuner in Russland // *Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des sciences de Saint-Pétersbourg* 10 (1–3), 217–219.
- Boretzky N., Iglá B. (1994). *Wörterbuch Romani-Deutsch-Englisch für den südosteuropäischen Raum: mit einer Grammatik der Dialektvarianten*. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Borrow G. (1846). *The Zingali; or, an Account of the Gypsies of Spain*. London: John Murray.
- GENEANET (сетевој проеки) — <http://gw3.geneanet.org/pierfit?lang=fr;p=georges+etienne;n=lécointe+de+laveau> (дата обраќања: 04.04.2013).
- Gunning E. (1802). *La Bohémienne par infortune, ou la comtesse d'Ossington*. Paris.
- de Laveau G. (1820). *Notice de manuscrits, livres rares, et ouvrages sur les sciences, beaux-arts, etc; tirée du cabinet de son excellence le Prince M. Galitzin*. Moscou: De L'imprimerie D'Auguste Semen.
- Lécointe de Laveau G. (1808). *Dmitri et Nadiejda ou le château d'Oural: Nouvelle russe*. Moscou: Chez Allart.
- Lécointe de Laveau G. (1814). *Moscou avant et après l'incendie, notice contenant une description de cette capitale, des moeurs de ses habitans, des événemens qui se passèrent pendant l'incendie et des malheurs qui accablèrent l'armée française pendant la retraite de 1812*. Paris: Gide fils.
- Lécointe de Laveau G. (1818). *Mosca avanti e dopo l'incendio, ovvero descrizione di questa capitale, dei costumi de'suoi abitanti, della situazione dell'europa al momento della campagna di Russia*. Milano: Dalla Stamperia Pulini.
- le Cointe de Laveau G. (1824). *Guide du voyageur a Moscou: contenant ce que cette capitale offre de curieux et d'interessant, ses monumens les plus remarquables, les etablissemens appartenant au gouvernement ou fondez par des particuliers, ses administrations, sa topographie, sa statistique, son commerce, etc*. Moscou: De l'imprimerie D'Auguste Semen, imp. De l'académie impériale medico-chirurgicale.
- Mānušs L. (1997). *Romany-Latvian-English Etymological Dictionary*. Riga: Zvaizgne ABC.
- Miklosich von F. (1872). *Über die Mundarten und die Wanderungen der Zigeuner Europas*. T. I. Wien.
- Mouraviev M. N. [д. б. N. N. — II. M.] (1823). *Voyage en Turcomanie et à Khiva, fait en 1819 et 1820*. Paris: Chez Louis Tenré, Libraire-éditeur.
- Quérad J.-M. (1833). *La France littéraire, ou dictionnaire bibliographique: des savants, historiens et gens de letters de la Franse, ainsi que des*

lettérateurs étrangers qui ont écrit en français, plus particulièrement pendant les XVIII et XIX siècles. T. 5.

ROMLEX (Лексическая база данных) — <http://romani.kfunigraz.ac.at/romlex/lex.xml> (дата обращения 26.04.13).

Торопов V. G. (2010). *Crimean Roma: Language and Folklore*. Ivanovo: Unona.

ЦЫГАНСКО-СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ И ИСТОЧНИКИ ИХ ИЗУЧЕНИЯ

В составе севернорусско-цыганского диалекта северо-восточной группы существует значительное количество неизученных говоров, на что указывает Л. Н. Черенков в статье в этом сборнике [Черенков, настоящий сборник]. Обычно схема их миграции представляется так: Германия — Польша — Белоруссия — Россия, например: «[Т]е цыгане, которые населяют северную европейскую часть РСФСР, включая Москву, пришли сюда с запада Европы, пройдя предварительно через Польшу, Германию, Богемию, Румынию на своем пути с Балканского полуострова» [Сергиевский 1931: 7]. Однако детального рассмотрения цыганского материала, да и самого материала для территории протяженностью с запада на восток около 10 тысяч километров обнаружить не удастся даже для относительно хорошо документированных говоров.

В этой ситуации русская речь цыган может служить объектом анализа, небезынтересным для русской диалектологии и вообще лингвистической географии. Некоторые направления анализа будут продемонстрированы на примере сборника «Киселевские цыгане» 1908 г. [Добровольский 1908], публикации смоленских цыганских материалов, собранных в конце XIX – начале XX в. В. Н. Добровольским (1856–1920), который специально для этих целей выучил диалект цыган своих родных мест. Попробуем выделить лексические признаки прохождения через Германию и Польшу. Поскольку на смоленской территории ранние белорусизмы надежно выделить невозможно в силу почти полного сходства между формально великорусскими смоленскими и собственно белорусскими говорами, возможность белорусских заимствований не учитывается. Практически «на глаз» выделены некоторые редкие русские диалектизмы, они анализируются с точки зрения возможной географической привязки.

Германизмы: *бэрга* ‘гора’ [Добровольский 1908: 13, № 7: 22] — нем. *Berg* ‘то же’; *динáри* ‘слуга’ [Добровольский 1908: 12, № 7: 8, 14, № 7: 52], *дынáри* [Добровольский 1908: 16, № 6: 33] — нем. *Dinner* ‘то же’; *фэ́лда* ‘поле’ [Добровольский 1908: 18, № 9: 25], *хвэ́лда* ‘поле’ [Добровольский 1908: 17, № 9: 13] — нем. *Feld* ‘то же’; *штуби́ца* ‘изба’ — нем. *Stube* ‘комната’, *штунди́ца* ‘часок’ [Добровольский 1908: 80, № 65: 10, 9] — нем. *Stunde* ‘то же’. Такой набор германизмов хорошо известен и в других говорах севернорусскоцыганского диалекта.

Полонизмы: *вэ́нгло* ‘угол’ [Добровольский 1908: 6, № 3: 18] — пол. *węgiel* ‘то же’; *дэ́мбо* ‘дуб’ [Добровольский 1908: 20, № 11: 9, 12; 22, № 13: 6] — пол. *dąb* ‘то же’; *кло́да* ‘колода’ [Добровольский 1908: 6, № 3: 16] — пол. *kloda* ‘то же’; *россэ́ндинэ́н* ‘рассудите’ [Добровольский 1908: 22, № 13: 6, 7] — пол. *rozsądźcie* ‘то же’; *стрóна* ‘сторона’ [Добровольский 1908: 13, № 7: 18] — пол. *strona* ‘то же’; *тысе́нцы* ‘тысячи’ [Добровольский 1908: 31, № 21: 17] — пол. *tysięcy* ‘то же’. Фонетический полонизм — прогрессивное оглушение [в]: *ниэ́кфар* ‘ни разу’ [Добровольский 1908: 10, № 6: 1], ср. *kwarta* [kʲárta] ‘кварта’. Данные польские заимствования хорошо известны и в других говорах русскоцыганского диалекта и разбавлены вероятными трансформациями русских слов в области вокализма по образцу польских: *гло́мня* ‘головня’ [Добровольский 1908: 3, № 1: 16; 6, № 3: 11], ср. — пол. *głownia* ‘головня; лезвие’.

Этот материал для данного говора подтверждает маршрут через зону немецкого и польского языков. Сложнее дело обстоит при попытке сопоставить специфический материал русской речи цыган с нашими данными о географическом распространении русских диалектизмов. Главным источником для сравнения является сводный Словарь русских народных говоров [СРНГ], завершаемый в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург). Однако данных о географическом распространении отдельных диалектизмов всегда недостаточно.

Некоторые русские диалектизмы, представленные у смоленских цыган, не отмечены в смоленских говорах:

1. *сóско* = поросенок [Добровольский 1908: 15, № 8: 3] = *сосóк* ‘детеныш млекопитающего’ **Новг., Калин., Иван., Ярослав.,**

Дон.; 'поросёнок' Иркут., Омск. [СРНГ-40: 54–55], вокруг смоленской территории.

2. *биз винца* = *безъ вьнца* [Добровольский 1908: 18, № 9: 23] = *венёц* 'венчание' Урал., Олон., Арх., Вят. [СРНГ-4: 112].

3. *заболмочиндя* = *заболмоталь* [Добровольский 1908: 10, № 5: 21; 16, № 6: 37] = *болмотать* 'бормотать' Пск., Твер., Свердл. [СРНГ-3: 75]. Ср. «Болмать — говорунъ. Порѣч. у., дер. Малюкино» [Добровольский 1914: 35].

4. *пулички* = *звѣзды* [Добровольский 1908: 40, № 31: 3] = «З. Пуля, ж. 1. Цыпленок. А вот типочка и пули. Глушков Курск. 1967» [СРНГ-33: 123]. Европейские области, в которых эти диалектизмы представлены, указаны на Схеме 1.

Схема 1. География распространения некоторых русских диалектизмов¹

		Карел.				
		2				
Псков.	Новг.	Волог.	Арх.			
3	1		2			
<u>Смол.</u>	Твер.	Яросл.	Костр.			Вят.
	1, 3	1, 2				2
Брян.	Калуж.	Моск.	Влад.	Иван.	Нижег.	Урал.
				1	2	2
Курск.						
4						

В самом общем виде эту схему можно интерпретировать как доказательство того, что именно эти цыгане пришли в Киселевку с, условно говоря, северо-запада. Однако для безусловного

¹ Номера заимствованных смоленскими цыганами русских слов 1–4, приведенных в списке выше, поставлены под сокращенными обозначениями областей, в которых они отмечены.

вывода аргументов пока недостаточно: а) сама схема достаточно противоречиво и расплывчато дает это направление; б) между 1908 г. и основным временем накопления данных по лексике русских говоров прошло две мировые войны, а Смоленский регион лежал на оси главных перемещений населения; в) наши данные по лексике русских говоров далеки от полноты. Так, в СРНГ нет слов из речи киселевских цыган: *вистёжка* ‘плётка’ [Добровольский 1908: 73, № 51]; *вотка* ‘дёготь’ [Добровольский 1908: 51, № 40: 2, 3]; *мэдня, мэня* ‘вид удочки’ [Добровольский 1908: 42, № 42]. Семантически или формально далеко от цыганского материала Добровольского: **Мотня́, й, ж.** 1. Часть рыболовного орудия «ризца» от первого обруча до прикрепления полукрылков. Чудск. оз. **Пск.**, Кузнецов, 1914 [СРНГ-18: 298]; *наставкаца* ‘настойка’ [Добровольский 1908: 56]; *поставень* ‘вид удочки’ [Добровольский 1908: 42, № 42]; семантически очень далеко: **Поста́вень, м.** Противень *Пирогги пеку в поставне...* **Моск.**, 1968 [СРНГ-30: 207]. Нет параллелей в СРНГ для слов: *пустыня* ‘бездна?’ [Добровольский 1908: 68]; *саракваша-стрижечка* ‘простокваша из снятого (то есть как бы «стриженого») молока’ [Добровольский 1908: 69]. Этот дефицит пока нельзя оценить в полном объеме, например, *хвататься* в значении ‘спешить’ пока не охвачено СРНГ: *наохты́лэ* = не хватайся ‘не спеши’ [Добровольский 1908: 2, № 1: 6].

Смоленские диалектизмы довольно многочисленны в цыганских текстах: *ва́дни* [Добровольский 1908: 2, № 1: 2] = *ва́день* ‘овод’ [СРНГ-4: 12]; *<о>сэть* [Добровольский 1908: 5, № 2: 22, 25] = *осэть* ‘овин’ [СРНГ-23: 373–374] *ля́да* = *лядо* ‘вырубка’ [Добровольский 1908: 7, № 4: 2]; *про́лубка* ‘прорубь’ [Добровольский 1908: 7, № 4: 8, 9]; *пушумэ́н тэ пруди́нэ* ‘блох гонять (он стал)’ [Добровольский 1908: 3, № 1: 15] = *пру́дить (блох)* ‘ловить’ [СРНГ-33: 63]; *ряжичка* [Добровольский 1908: 69, № 496] = **Ря́жка, ж.** <...> 2. Ведерко, черпак (особенно у мастеровых, каменщиков) **Зап.**, Даль || Небольшое деревянное ведро с крышкой для кваса, воды **Яросл.**, 1989. 3. Банная шайка **Зап.**, Даль. **Ря́жечка, ж.** <...> 2. Берестяной сосуд для хранения и переноски ягод, грибов; туесок. **Горно-Алт.**, 1966 [СРНГ-35: 349]; *сбро́д* [Добровольский 1908: 48, № 34] = ‘бродяга’ [СРНГ-36: 186]; *скульлэ́* ‘чирьи’ [Добровольский 1914: 841]. Этот слой очень

велик, но трудность в том, что сегодня мы уже не можем многое проверить и уточнить. По сообщению смоленских краеведов, в той округе, где когда-то записывал цыганские тексты Добровольский, сегодня и русские говоры практически уже нельзя изучать: села Киселевка, Хицовка (у Добровольского Фицовка), Цыгановка почти обезлюдели, часть прежних жителей приезжает лишь на летний отдых, а постоянно живет в райцентре Починок. Традиционно местные смоляне выделяют потомков киселевских цыган по особой смуглости, часто являющейся предметом шуток по поводу экзотического происхождения. Однако цыганским языком уже никто не владеет.

Я не останавливаюсь на других (синтаксических и морфологических) особенностях русской речи цыган этой группы, а также на вкраплениях разного происхождения типа *побивахомь* ‘я побил’ [Добровольский 1908: 2, № 1: 4, 10] (точнее говоря, форма аориста *побивáхомь* значит ‘мы побили’). Проведенный анализ показывает, насколько трудно включать «лингвистическую машину времени» в ситуации неполноты диалектных данных.

В материалах Василия Бычкова из Красноярска (личное сообщение) встречаются интересные лексические явления. Обращает на себя внимание южнорусское (или белорусское по виду) неразличение приставок *з-* и *из-*, а также редкой приставки *вз-*: *о сгало* ‘издевательство’ — ср. пермское и томское *на сгал* ‘ради насмешки, на смех’ [СРНГ-37: 11], свердловское, пермское, алтайское, тобольское *згал* ‘смех, насмешка’ [СРНГ-11: 227]; а также неясное по происхождению *сгэво* (грубое) ‘промежность’ (нет уверенности, но ср. архангельское *сгиб* ‘поясница’ [СРНГ-37: 16]). Перед сонорным приставка имеет вид *ис-*, например, *ислэл по фотоапарато* ‘снимает на фотоаппарат’, *ислэл нэ карточка* ‘снимает на карточку’, где [ис]- соответствует русскому *с-*, а перед звонким шумным — *из-*, например, *издэл о кхэр* ‘сдает дом’, где [из]- также соответствует русскому *с-*. В существительном *сриптибэн* ‘воспоминание’ калькированы слова *спомін*, *споминáнье* [СРНГ-40: 216], где [с] соответствует *вз-*. Бесприставочное *клинав* ‘клянусь’ (*клиндян* ‘ты проклял’), *страминав* ‘оскорбляю, страмлю’ также соответствует не книжной, а разговорной, диалектной речи.

Отмечены редкие для диалектов северной ветви заимствования: э *мавла* ‘сплетня, клевета’, от нем. *Maul* ‘морда, рот’, *фарм* ‘очень, сильно’, от рум. *foarte* ‘очень’, *зэвла* ‘ревность’, от греч. *ζήλια* ‘ревность, рвение’. Любопытно наличие рядом с исконным *кашуко* и заимствованным *глухо* гиперкорректной формы с якобы носовым: *глэнхо*, ср. польское *gluchy* ‘глухой’. В ее реальности нет оснований сомневаться, но она свидетельствует о том, что механизмы перестройки имен на польский лад работают уже по инерции и опираются на русский лексикон. Однако рядом сохраняются вполне корректные отражения полонизмов *о гняздо* ‘гнездо’, *блядныма* ‘бледность’. Любопытна синонимия более известного *тэнча* (ср. польское *o ten czas* или *w ten czas* ‘в этот момент, тотчас’) и *тэжна*: *Тэжна амэ сможем тэ джяс дро ресторано* ‘После мы сможем пойти в ресторан’. *Сперва кэр кадая буты, а тэнчя/тэжна можешь тэ джяс тэ гулинэс* ‘Сначала сделай работу, а потом можешь идти гулять’. В качестве вероятного польского источника слова *тэжна* можно предположительно привести *też no* или эллиптическое *też na [razie]: marchewka też no i jabłuszka* ‘морковка, ну и яблочки’, *Ja też na razie tak nie myślę* ‘я тоже, кстати, так не думаю’. Не слишком богатый материал устной речи трудно комментировать исторически с полной уверенностью. Так, я никогда не слышал сравнительное *таки*, но помнил пример из издания повести «Грай»: *приячела таки бырлы* ‘пристала, словно/как пчела’; *таки чирикло замардяпэ ило* ‘словно птица забилося сердце’ [Безлюдско 1933: 3, 7]. Дополнением к этому примеру стала фраза певицы Татьяны Демьяновой о внешности Пушкина: *таки ваиэскери* ‘словно обезьяна’ [Демьянова 1998: 246]. Два источника — это уже достаточная документация, но в русских народных говорах подобное значение *таки* не обнаруживается.

Все вышесказанное показывает ценность изучения цыганской речи для русской исторической диалектологии (и, наоборот).

Литература

- Безлюдско М. (1933). *Грай*. Москва: Тэрны гвардия.
- Демьянова Т. Д. (1998). О Пушкине и Языкове // *Пушкин в воспоминаниях современников*. Санкт-Петербург: Академический проект, Т. 2, 246–250.
- Добровольский В. Н. (1908). *Киселевские цыгане*. В. 1. Цыганские тексты. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук.
- Добровольский В. Н. (1914). *Смоленский областной словарь*. Смоленск: Типография П. А. Силина.
- Сергиевский М. В. (1931). *Цыганский язык. Краткое руководство по грамматике и правописанию*. Москва: Центриздат.
- СРНГ (1965–2011) — *Словарь русских народных говоров*. Т. 1–43. Москва; Ленинград/Санкт-Петербург: Наука.
- Черенков Л. Н. *Цыганская диалектология в России: современное состояние и задачи*. Настоящий сборник.

В. В. Шаповал

Москва

MARGINALIA

К «ЦЫГАНСКО-РУССКОМУ СЛОВАРИЮ» 1938 г.

Словарь М. В. Сергиевского и А. П. Баранникова 1938 г. [ЦПС] заслуживает внимательного рассмотрения по ряду причин. Во-первых, это высшее достижение и одновременно финальный аккорд в советском проекте цыганского литературного языка. В 1928–1938 гг. (относительно) активно развивалось книгоиздание на цыганском языке. Динамика печатания книг представлена на Таблице 1 и Графике 1.

Таблица 1. Книги и журналы на цыганском языке кириллицей в СССР

год	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936	1937	1938
изданий	1	4	10	25	52	47	25	29	17	9	6
страниц	98	224	305	1052	3282	2937	2991	2175	638	403	691

На этом пессимистическом для перспектив цыганской книги фоне конца 1930-х гг. словарь стал своеобразным (во всех смыслах) памятником, подводившим итог и фактически закрывавшим проект. Следующая книга (брошюра) на цыганском языке появилась в СССР лишь через 32 года: это был источник по урсарскому диалекту «Фольклорос романо» Г. Кантя [Кантя 1970]. По личному сообщению Л. Н. Черенкова, решение о публикации принималось на уровне высшего партийного руководства Молдавской ССР. См. русский перевод: [Кантя 2011: 215–223].